

⁴⁷ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX— начало XX в. Весенние праздники. М., 1977. С. 32.

⁴⁸ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. XXVIII. Вып. 1. Сталинабад, 1954. С. 107.

⁴⁹ Устаев Ш. У. Новый год (Навруз) в мифологических воззрениях таджиков и узбеков // СЭ. 1985. № 6. С. 102—103.

⁵⁰ Смоленский А. В. Чувашские приметы о погоде и влиянии ее на хозяйство. Казань, 1895. С. 56; Мухаметзянов Р. М. Татарские народные приметы // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1977. С. 71; Дмитриев В. Д. Чувашский календарь и метеорология. Чебоксары, 1982. С. 6.

⁵¹ Rudnev V. V. Russian Folk Meteorology in European Russia // XII JCAES. Zagreb. Juli 24—31, 1988. М., 1988.

⁵² Литинецкий И. Б. Беседы о бионике. М., 1968; Симаков Ю. Г. Указ. раб.; Шульц Г. Э. Указ. раб.

⁵³ Zel'nik V. Konnad, kalad ja linnud aitavad ilma ette-arvata // Sotsialistlik põllumajandus. 1983. №-18 (на эст. яз.); *idem.* Kas talv tuleb parajalt pehme voi karedalt külm? // Ibid. №-22 (на эст. яз.); *idem.* Sügise-märgid // Ibid. 1984. №-15 (на эст. яз.).

⁵⁴ Свод этнографических понятий и терминов: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 84—94.

⁵⁵ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX— начало XX в. Зимние праздники. М., 1973. С. 27, 62, 95; Джавадова Э. Ю., Джавадов Г. Д. Указ. раб. С. 130; Балашев Л. Указ. раб. С. 83—86; Дмитриев А. А., Ягодинский В. Н. Указ. раб. С. 46.

⁵⁶ Вельховер Е. С., Шульпина Н. Б., Алиева З. А., Ромашов Ф. Н. Основы иридиодиагностики. Баку, 1982; Уильямсон Т. Лозоходство: миф или реальность? // За рубежом. 1987. № 32. (1413). С. 20 (перепечатка из «Нью сайентист», Лондон).

© 1990 г.

В. Г. Балашок

ГОДОВОЙ ЦИКЛ ОБРЯДНОСТИ УКРАИНСКИХ ГОРОДСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА

Традиционные обычаи и обряды восточных славян, приуроченные к определенным моментам годового производственного цикла, уже неоднократно становились предметом специальных исследований этнографов. В частности, в настоящее время довольно хорошо изучена аграрно-календарная обрядность сельского населения XIX — начала XX в. ¹ К сожалению, этого пока нельзя сказать о традиционной обрядности горожан, являвшейся в феодальную эпоху неотъемлемой частью духовной культуры каждого этноса. Жители феодальных городов Древней Руси, а позднее России, Украины и Белоруссии создали богатую и развитую обрядность, отличавшуюся от обрядности крестьян. Уже по этой причине она представляет интерес для этнографов. Но главное то, что без знания обычаев и ритуалов городского населения периода феодализма наши представления о традиционной обрядности и, шире, духовной культуре восточнославянских народов будут весьма неполными и односторонними.

Обрядность украинских городских ремесленников феодальной эпохи, которые тогда составляли большинство трудового населения городов, уже неоднократно попадала в круг исследований отечественных ученых, как дореволюционных ², так и советских ³. Но все эти работы затрагивают лишь отдельные аспекты данной темы. Большинство исследователей дореволюционного периода ограничивались частными вопросами развития традиционной празднично-обрядовой культуры украинского города (зачастую на примере отдельного населенного пункта). Рассматриваемая тема недостаточно изучена и советскими этнографами.

Цикл обычаев и обрядов производственного характера, совершавшихся

ремесленниками на протяжении календарного года, мы рассматриваем на материалах городов Украины XV—XVIII вв. В ряде случаев привлекаются данные XIX в., которые используются в основном ретроспективно.

Годовой обрядовый цикл украинских городских ремесленников включал в себя целый ряд обычаев и обрядов, не принадлежащих к собственно календарным. Это в первую очередь профессиональные ремесленные обряды, сопровождавшие производство и сбыт изделий; обряды, посвященные культуре стихий, составлявших основы ремесел, а также покровителям ремесленных профессий. В этот цикл входили также праздники в честь покровителей городских корпораций, членами которых были ремесленники. Все названные группы обрядов и обычаев находились в органической связи и составляли единую систему, основой образования которой послужили традиционный календарь и аграрно-календарная обрядность. Это дает, по нашему мнению, основание для объединения их в единый цикл. Вместе с тем календарные обряды и обычаи, сохранявшиеся в феодальную эпоху в городской ремесленной среде, уже несколько отличались от календарной обрядности сельского населения. Городские ремесленники были включены в производственную и социальную структуру феодального города. На них распространялись все принципы организации городской производственной и общественной жизни. Поэтому социально необходимая ритмика жизненных и производственных процессов в городской ремесленной среде принципиально отличалась от сельской. Обрядность, отражавшая эту ритмику, тоже иная, хотя по форме она еще во многом сходна с крестьянской.

Прослеживая генетические связи ремесленной обрядности, рассмотрение годового обрядового цикла целесообразно начать с собственно календарных обычаев, поскольку они послужили отправной точкой для его образования и составили его нижний пласт. Сохранение аграрно-календарной обрядности в городской ремесленной среде обуславливалось генетической связью обрядности горожан феодальной эпохи с сельской ритуалистикой; неполным отделением городского ремесла от сельского хозяйства и во многом аграрным характером феодальных городов; общим для всего населения календарем и системой православных праздников, соединявших церковные святцы и древние календарные обряды.

Специфика календарной обрядности в среде украинских городских ремесленников состояла в том, что в ее составе главную роль играли уже не аграрные обряды, которые бытовали и в городе, а общегородские и церковные церемонии, а также обрядовые действия в рамках городских (в том числе профессиональных ремесленных) корпораций⁴. Общегородские праздничные действия, в которых активное участие принимали ремесленники, организовывались городскими властями (магистратом, ратушей) и были торжествами феодальных самоуправляющихся городов-коммун. Возникновение общегородских праздников, по-видимому, надо связывать с получением городами Украины магдебургского права в XIV—XVII вв.⁵, хотя, возможно, у них были предшественники и в более ранний период. Приурочивались они к дням главных календарных праздников, в частности к Маковею, первому Спасу, а также Пасхе, Крещению и другим двенадцатым праздникам. Магистратские общегородские праздники включали церковные службы, торжественные процессии, а также военные парады городского ополчения, сопровождавшиеся стрельбой из огнестрельного оружия. Украинский поэт конца XVII в. иеромонах К. Зиновиев так описывает их:

«І на хвалу Хву и дне(с) заживають:
поневаж на Вели(к) днь на радо(ст) стрѣляють(ь).
Вспоминаючи тры(м)фъ Хвъ все (г) да шороку:
и на умылно(ст) дша(м), чиня(т) то з(ь) нароку.
І на богявле(н)ски(н) пра(з)дни(к) тако(ж) стрѣляють:
очищеніє о(т) грѣхъ миру ізвѣщають»⁶.

Острожский летописец о таком общегородском торжественном шествии в г. Остроге в 1636 г. во время пасхальных праздников сообщает: «На воскресеніе Христова, гди християне триумфують, утішаються, вихваляють господа воскресшаго із мертвих; ішли священници всі со крести от замкової церкви до храму воскресенія Христова на нове місто і людей множество великоє було»⁷. Шествие совершалось «с крестами, с хорогвами»⁸. Активными участниками этих праздничных действ были ремесленники. Члены цехов, составлявшие отдельные подразделения ополчения, имели при себе оружие, несли цеховые знамена и разноцветные свечи. Цеховое знамя (*корозва*) изготавливалось из дорогой цветной ткани. На нем изображались ремесленные орудия или изделия, а также лики святых, в том числе покровителей корпорации⁹. Ремесленники одевались в особую для каждого цеха праздничную одежду, отличавшуюся от одежды других социальных групп.

Кроме общегородских действ во время календарных праздников имели место также торжества в рамках отдельных корпораций, в частности цеховых и братских собраний (*сходки*). Происходили такие сходки в горницах цеховых и братских домов — *светлицях* и включали праздничные угощения¹⁰. Наиболее значительной из них была новогодняя сходка. Следует отметить, что в цехах и братствах украинских городов вплоть до XVIII и даже XIX в. сохранялась древняя традиция проводить новогоднее собрание весной, несмотря на введенный польско-литовскими властями еще в XIV в. юлианский календарь с началом года в январе¹¹. Так было, в частности, в цехах и братствах городов Луцка (Волынь), Старого Самбора (Галиция), Чернобыля (Киевская земля), Семиполка (Черниговщина) и др.¹² Таким образом, у украинских городских ремесленников эпохи феодализма было как бы два праздника встречи Нового года — 1 января по официальному календарю и весной — в соответствии с древней традицией.

Продолжали бытовать в городах феодальной Украины и аграрные обряды календарного цикла, общие с ритуалами и обычаями сельского населения. Так, известно, что в XVI—XVII вв. в Киеве, Остроге и других городах ремесленники на Рождество колядовали со звездами и вертепом, а на щедрый вечер щедровали¹³. В г. Меджибоже (Подолія) члены цехов под предводительством «старших братьев» на Рождество шли колядовать к цехмистрам (цеховым старшинам). При этом на подносе несли калач. Если цехмистер имел незамужнюю дочь, то калач украшали *биндой* (лентой)¹⁴. Отмечали украинские городские ремесленники феодальной эпохи и цикл весенней обрядности, связанной с пробуждением природы и началом сельскохозяйственных работ. На Пасху цеховые «христосались», а также совершали «волочительные» обряды — обходы, включавшие пожелания и поздравления, сходные с колядованием. На Купала в XVI—XVII вв. в Остроге и других городах происходило «огненное скаканя», во время петропавловских игрищ строили «колыски и шибениць»¹⁵ (различные виды качелей). На Троицу ремесленники украшали цеховую горницу зеленью. Народная обрядность, связанная еще с древнеславянским аграрно-производственным календарем, продолжавшая бытовать в украинских средневековых городах, официально осуждалась церковью. Так, известный полемист XVI в. И. Вишенский пишет о жителях Острога, «на поле изшедших сатань оферу (жертву. — В. Б.) танцами и скоками чинити»¹⁶. К. Зиновиев называет народные обряды «блудами богомерзскими»¹⁷. Ср. также описание народного праздника у церковного деятеля XVII в. И. Галятовского: «...теды члвкъ не удаляется ѿ(т) зло(г) [о], але чинить злое, смѣтса, жартуеть, упиваетса, музики для танцо(в) слушае(т)»¹⁸.

Доминирующее положение в годовом празднично-обрядовом цикле украинских городских ремесленников занимала профессиональная обрядность, к которой принадлежали и ритуальные действия, сопровождавшие производственный процесс. Обрядность ремесленной технологии сводилась к действиям, направленным на включение изготавливавшихся изделий в сферу культуры

путем их семантизации, поскольку культурный объект должен соответствовать не только утилитарно-практическим, но и идейно-символическим критериям¹⁹. К сожалению, данные об обрядах, сопровождавших производственный процесс украинских городских ремесленников периода феодализма, очень фрагментарны. В связи с этим в качестве вспомогательного материала мы в ряде случаев привлекаем источники по сельским ремеслам, которые помогают реконструировать то или иное ритуальное действие.

Обряды, сопровождавшие процесс производства изделий, начинались с действий по выбору материала. Так, известно, что в деревообрабатывающих ремеслах действовал ряд ритуальных запретов на использование тех или иных деревьев в качестве сырья. Запрещалось использовать древесину деревьев, относимых к сфере сакрального: деревья с какими-либо аномалиями; выросшие на лесных перекрестках, на месте, где раньше располагалось кладбище или церковь; в которые ударила молния (так называемые «громовиця»)²⁰. Гончары для изготовления молочной посуды использовали только глину, собираемую с пальцев при выработке других изделий (*слимаки*). Считалось, что сделанный из такой глины кувшин «сметану збирає, як слимаки з пальців обирає»²¹.

Производственная деятельность городских ремесленников периода феодализма, несмотря на отличия их образа жизни от сельского, также обнаруживает зависимость от природного ритма. Например, известно, что производственный год в ремесленных цехах делился на летний и зимний периоды²². В связи с этим полностью окказиональными ремесленные обряды, сопровождавшие производственный процесс, считать нельзя. Не случайно очень важным условием производства являлся правильный выбор времени, особенно начала изготовления изделия. При этом время производства кроме соответствия практическим соображениям должно было обладать и высшей ритуальной ценностью²³. При выборе времени начала производства сначала определяли благоприятный (в том числе с ритуальной точки зрения) период года, затем конкретный день и время суток. Считалось, что в году существуют определенные периоды, благоприятные и неблагоприятные для занятия теми или иными ремеслами.

Обрядовые действия по выбору благоприятного времени имели место при заготовке материала. Так, плотники и столяры заготавливали материал весной (в мае) и осенью — зимой. Ср.: «Августа, сентябра, ноябра, декабра на строение дерево рубить хорошо»²⁴. Источники содержат данные и о выборе времени для собственно процесса производства. Например, период с 21 июня, когда «вступать солнце (в) з знамя небесное Лва», был благоприятным для плотнического ремесла («на той час добръ будынки закладати»²⁵), а также для строительства лодок и кораблей: «... добръ шкуты (род судна.— В. Б.) и корабль на водъ будувати»²⁶. «Колоколы лить и прочое огнем работаты» считалось благоприятным в марте и мае²⁷. Наиболее подходящим месяцем для швейного дела был декабрь, а «меды и прочіе питейніе выды» приготавливали в феврале, марте и июне. Считалось, например, что пиво, сваренное в эти месяцы, «будет здраво и не скиснетъ скоро»²⁸.

Наряду с благоприятными для ремесленных работ периодами были и неблагоприятные. Так, сентябрь считался неподходящим для занятия плотничеством²⁹. В привилегии 1665 г. цеха калачников г. Глухова (Черниговщина) также упоминается о неблагоприятных днях, в которые калачники ремеслом не занимались: «...в який день не пекти калачов»³⁰ (к сожалению, эти дни не названы конкретно).

Дни недели тоже делились на благоприятные и неблагоприятные. В каждой местности они были свои, хотя, учитывая относительную мобильность ремесленного населения городов (например, странствия подмастерьев), такие различия у ремесленников были, возможно, меньшими, чем у сельских жителей. «Благоприятность» или «неблагоприятность» дня имела особо важное значение для начала изготовления изделия. Одним из общих для всех ремесел неблагоприятных дней считался понедельник, в который не начинали никакой новой работы,

хотя продолжать начатое было можно. Вообще же символическое значение понедельника в ремесленной среде, видимо, было особым. Наряду с тем, что он считался «тяжелым», понедельник был первым днем недели, и от того, как начата эта новая трудовая неделя, во многом зависели, как думали ремесленники, их производственные успехи. На такое значение понедельника указывает, например, устав львовских скорняков 1470 г. В нем при перечне наказаний подмастерьев за прогул рабочего дня (денежные штрафы) особая роль отводится прогулу в понедельник. Несмотря на заинтересованность мастеров в работе подмастерьев, устав запрещает подмастерью, не работавшему в понедельник, работать на протяжении всей недели. И если мастер заставит его работать, то наказывается за это штрафом³¹.

Большое значение для обеспечения успеха в производстве имел выбор благоприятного времени суток. Так, известно, что гончары формовали и обжигали посуду до восхода солнца. Воду для замешивания глины тоже брали ночью³². Плотники, в противоположность гончарам, работали после восхода солнца: «Коли вранци, до схид сонця, закладуть хату,— буде вохка зимою й весною»³³.

Важная роль при выборе времени производства и особенно его начала отводилась фазе луны. Время увеличения луны считалось наиболее благоприятным для начала большинства работ, а время ущерба — менее или совсем неблагоприятным. Поэтому строительство дома, как и заготовку материала для него, начинали «въ настатъ мѣсяця», пиво варили тоже «на сходъ мѣсяця»³⁴, т. е. в первую половину лунного месяца. Гончарную посуду надо было изготавливать «коли місяць у підповні» (во второй четверти.— В. Б.)³⁵.

В ремеслах плотников и каменщиков важным условием успешного производства считался правильный выбор места для работы, который совершался мастерами совместно с будущими хозяевами строений. В ходе таких действий пространство, уже отобранное из практических соображений, делили на счастливое («чистое») и несчастливое («нечистое»). «Нечистыми» считались места, имеющие признаки, относящиеся в модели мира к категории отрицательных: у перекрестка дорог, на меже, там, где с кем-то случилось несчастье, и т. д.³⁶. Ср.: «Біля грязиці не випада будувати світлиці»³⁷. Место для строительства подвергалось также дополнительной проверке с помощью гаданий. Для этого часто специально приглашали ворожей, причем если в XIX — начале XX в. участниками гаданий обязательно были мужчины, то в более раннее время этим занимались и женщины. Ср., например: «...ворожки искати./ щасливе мѣсто бѣ знать на постройку хати»³⁸ (XVIII в.). Здесь показателен выбор средств для определения символической пригодности места производства гаданий. Как указывает О. М. Фрейденберг, гадания, в самом общем виде определяющие события социальной жизни и явления природы как благоприятные или неблагоприятные для человека, восходят к представлениям о жизни и смерти³⁹. Проведение гаданий было очень важно, поскольку в данном случае прогнозировалось не столько будущее дома, сколько будущее семьи, которой предстояло в нем жить.

Семантизация изделия непосредственно во время технологического процесса, производимая с помощью ряда ритуальных действий, означает построение в контексте данной культуры аналогий между изделием и различными элементами космоса. Происходило также смысловое сближение продуктов ремесленного производства с органами тела человека и животного. При этом, если изделие символически уподоблялось телу человека или животного (микрокосм), оно считалось подобным и вселенной (макрокосм). Ведь в сознании людей рассматриваемого периода моделью космоса выступала соматическая организация живых существ, вселенная представлялась в образе «космического» человеческого тела⁴⁰.

Понимание украинскими ремесленниками технологического процесса как процесса символического создания человека или вселенной нашло отражение в источниках той эпохи. Так, К. Зиновиев указывал на демиургическую приро-

ду мастера и сравнивал его деятельность с сотворением людей богом. Как последний создал мир, так и ремесленник-гончар каждый раз создает в своих произведениях какую-то часть вселенной. И даже «го(н)чаря(м) человека мощно (б) з глины зробит(ъ):/ ты(л)ко(ж)невозмо(ж)но зроби(в)ши дшъ вль-пит(ъ)». А также: «Та(к) хороше зльпивъ, я(к) дшъ не вльпивъ»⁴¹. Подобные свидетельства сообщают и более поздние авторы: «У гончара глина, як люди в бога,— шо задумав, те й зробив»⁴². Ремесленники других специальностей, в частности кузнецы, согласно бытовавшим представлениям, тоже выступали всемогущими творцами «всего»⁴³. Ср. также замечание К. Зиновиева о ювелире, который «же може(т) нб(с)ни сосуды зробляти. / А то в таки(и) це(л)тоє не інакь ставаєть: / иж всяки(и) шырозло(т)ны(и) посу(д) нбо маєть»⁴⁴. Здесь отразились представления ювелиров о том, что они в своих изделиях воссоздают небесные светила, поскольку благородные металлы у восточных славян традиционно имели «небесную» символику. Они уподоблялись небесным светилам, как бы являлись их земной ипостасью⁴⁵.

Проведение аналогий между макрокосмом — микрокосмом и изготавливаемыми предметами происходило также при их выработке из дерева и тканей. Так, во время ритуалов, сопровождавших строительство дома, он уподоблялся телу животного и человека, соотносился с концепцией человеческой жизни⁴⁶. Солярные знаки, выражавшие идею движения солнца по небу, имеются в декоре многих предметов из дерева эпохи средневековья — сундуков, пороховниц и др. Корабль уподоблялся коню, решето — дождевому облаку. Вышивка и тканые узоры также служили включению швейных изделий в существующую картину мира. Поэтому узоры на женской одежде содержали такие мотивы, как ромботочечная композиция — символ плодородия, а также солярные знаки и изображение «мирового дерева»⁴⁷. Сам процесс изготовления ткани понимался как символическое создание вселенной. Ср., например: «Небо — таке соснованіе боже»; «господь сосновав земельку»⁴⁸.

Во время производства мастера соблюдали ряд ритуальных правил и запретов. Так, гончарный круг вертели слева направо, по ходу солнца. «Посолонь» производили и другие вращательные движения. Посуду гончары формовали и обжигали натошак. При ее обжиге нельзя было гримасничать, ибо сосуды тоже искривятся. Ср.: «Тоді не вільно їсти, кривитися»⁴⁹ (г. Старый Самбор). Известны случаи, когда при изготовлении ремесленных изделий для придания им определенного значения предполагалась обрядовая инверсия: например, при выработке ритуальной посуды для колдунов. Изготавливая такую посуду, мастер производил операции наоборот (*навиворіт*): выворачивал особым образом руки и вертел круг в обратную сторону (*на відлів*)⁵⁰. Здесь ритуальное антиповедение мастера имело целью семантизацию изделия именно как колдовского, причастного к потустороннему миру, где все наоборот⁵¹.

Обряды, сопровождавшие сбыт изделий украинскими городскими ремесленниками, тоже начинались с выбора благоприятного времени⁵². Этим одновременно производилась их привязка к конкретным моментам календарного цикла. В основе дальнейших ритуальных действий лежали представления о наличии глубоких квазиличностных связей между мастером и его изделиями и воззрения на ремесленника как на колдуна-демиурга, связанного с нечистой силой. Как тогда считалось, между человеком и вещью существовали прочные связи, аналогичные межчеловеческим, разорвать которые было непросто⁵³. Между ремесленниками и их изделиями они были особенно тесными, поскольку мастера являлись создателями вещей. Причем эта связь несла в себе угрозу новому владельцу, поскольку вещь только что вышла из рук мастера-колдуна. Так, считалось, что в случае недовольства покупателя мастер может сделать вещь непригодной для употребления и даже вредоносной для нового хозяина. Например, плотники или печники поселяют в таком случае в доме нечистую силу, а гончары отбирают у молочной посуды способность собирать сметану⁵⁴. Чтобы разорвать связь между вещью и ее творцом, нейтрализовать вредоносное влияние

мастера, а также закрепить влияние на вещь человека, приобретавшего ее, совершались специальные ритуалы: рукобития, рукопожатия, передача вещи из рук в руки и из полы в полу, а также ритуальные угощения, приплата и подарки со стороны покупателя. Угощение мастера, подарки и приплата не входили в стоимость изделия (а впоследствии превратились в чисто символические). Известно, что плотников кроме платы за работу одаривали и угощали в процессе строительства жилища (угощение при закладке первого венца, чтобы рубил «на добро, а не на зло», *замочка криши*⁵⁵). В Подолии сверх платы за изделие членов ткацких цехов вознаграждали хлебом⁵⁶. Скорнякам после приобретения у них кожухов ставили *могорич* (например, в г. Старый Самбор)⁵⁷ и т. д.

На протяжении года ремесленники феодальных городов Украины совершали обряды, отражавшие древние формы почитания природных стихий. В прошлом они были широко распространены и среди сельского населения. В деревне такие обряды входили в состав аграрно-календарных, поскольку природные стихии были тесно связаны с сельским хозяйством. В городе стихии природы выступали естественными основами уже соответствующих ремесел и в качестве таковых являлись объектами культа.

Из «стихий», почитавшихся в городской ремесленной среде, известны: гончарная глина как одна из ипостасей Матери-земли, хлеб, огонь, деревья. Глина была объектом культа у гончаров, которые о ней говорили: «То свята земля»⁵⁸. Местами совершения посвященных ей ритуалов были *глинища*. Перед началом добычи глины гончары обращались к ней с молитвой. У гончарных цехов городов Хомутец и Поповка (Полтавщина) посреди глинища был установлен крест, огражденный забором. Членами гончарных цехов регулярно совершались обряды освящения глинищ, включавшие торжественные процессии и общие трапезы, для которых продукты собирали в складчину⁵⁹. Стихией, почитавшейся кузнецами, а также гончарами, был огонь. Как известно, на гончаров и кузнецов в простонародье вообще смотрели как на жрецов огня и распорядителей адского пламени⁶⁰. Огню посвящались праздники, известные под названием Семена или «женитьбы свечки» (1 сентября)⁶¹. Эти праздники включали обряды зажигания свечей на ветках зеленого деревца, трапезы в складчину, гулянья, которые длились при зажженном огне всю ночь. Известно также, что обряды, посвященные природным «стихиям», бытовали среди ремесленников других профессий — в деревообрабатывающих ремеслах, например, где они посвящались деревьям⁶², а у хлебопеков — хлебу⁶³.

В состав годового цикла ремесленной обрядности входили также обряды, посвященные покровителям ремесленных профессий, которыми в XV—XVIII вв. были канонизированные святые православной церкви. Из таких покровителей известны Кузьма и Демьян, считавшиеся патронами-основателями кузнечного дела. Петр и Павел покровительствовали рыболовству. Покровительницей женских ремесел являлась Параскева (Пятница). Всем им посвящались особые праздники. Ср., например: «Розказують старі люди, що Кузьма-Дем'ян були ковалі і раніше цей празник святкували ковалі». «Цей празник не признають люди, а тільки ковалі»⁶⁴. О праздновании Пятницы: «Такъ же тежъ пятницу нѣци агарянски в каждую седмицу празднують» (Львов, 1590 г.)⁶⁵, а также «...пятюнку шаную, / нѣ ѣм, нѣ пѣю, нѣ роблю / д вечора в тую» (XVIII в.)⁶⁶.

К сожалению, фрагментарность источников не позволяет нам пока судить, насколько широко были распространены в рассматриваемое время культ святых покровителей ремесел и связанная с ним обрядность среди городских ремесленников других специальностей.

Самостоятельным компонентом годового празднично-обрядового цикла были праздники, посвященные покровителям корпораций, в которые входили ремесленники. В период феодализма городской ремесленник на Украине, как правило, являлся членом нескольких корпораций. Большинство таких объединений состояло из корпораций более низкого порядка: цех→церковный приход→братство→городской квартал и т. д. Все эти корпорации имели своих патронов —

христианских святых, дни которых являлись днями корпоративных патрональных праздников. Следует отметить, что покровителей, общих для всех ремесленных корпораций⁶⁷ (например, цехов) какой-то отрасли, на Украине не было. И наличие таких патронов (Кузьмы и Демьяна), установленное Б. А. Рыбаковым для объединения кузнецов в городах Северо-Восточной Руси⁶⁸, на украинском материале не подтверждается. Обрядность, посвященная покровителям всех вышестоящих корпораций, вплоть до городской общины в целом, отправлялась членами каждого низового объединения. Таким образом, каждый ремесленник украинского феодального города праздновал в году несколько праздников покровителей корпораций.

Патрональные праздники украинских городских корпораций относятся к большому кругу общинных праздников периода феодализма, известных среди восточных славян под названием *братчина*, *ссыпчина*, *складчина*, *свеча*, *скупщина*. Наиболее характерными для обрядности украинского города XV—XVIII вв. можно считать празднества в честь покровителей цехов. Для их обозначения употреблялся термин *складка*, *складки*⁶⁹. Структурно торжество в честь покровителя делилось на две части: 1) обрядовые действия, предварявшие праздник; 2) собственно праздник. Как первая, так и вторая структурные части длились по несколько дней. Все действия и обряды, предварявшие собственно праздник, назывались *кануном*⁷⁰. Канун включал процедуру приготовления меда и пива к праздничному пиру, сбор средств и продуктов в складчину, изготовление свечей для передачи их в церковь корпорации, а также церковную службу. Часть приготовленного напитка продавалась. Вырученные средства шли на приобретение продуктов для предстоящего пира и в пользу церкви. Ср., например: «...к праздника(м) которы(м) кануны спра(в)ляти / и на це(р)кви з(ъ) доходов ты(х) са укладати»⁷¹. Сбор средств в складчину назывался *збором на свічку*, его производили специально назначенные цехмистром лица из младших мастеров (*лавники*). Переходя от избы к избе, они стучали в окна членов корпорации, поздравляли их с предстоящим праздником и спрашивали: «А чи не послав часом вам бог чого-небудь на свічку?»⁷². В ответ хозяин давал лавникам воск и продукты. Отказ был недопустим. Вечером накануне дня патронального праздника происходила торжественная переплавка цеховых свечей (*роблення свігла*). Она осуществлялась коллективно старшими уважаемыми мастерами. Подготовительные операции — покупку и дробление воска — производили младшие мастера⁷³. Изготавливавшиеся свечи назывались *ставниками*, они были различного цвета и очень больших размеров — до 10 аршин высотой. После окончания *роблення свігла* устраивали угощение.

Собственно патрональный праздник в свою очередь делился на торжественную литургию и пир членов объединения. Литургия совершалась в церкви, где корпорация имела икону с изображением своего патрона. Утром, перед богослужением, члены объединения торжественно несли сделанные накануне *ставники* в церковь. На молебне члены корпорации выстраивались в порядке старшинства. Здесь же находились подмастерья, стоявшие отдельно.

Общая праздничная трапеза происходила после литургии в цеховом или братском доме, а при его отсутствии — в доме цехмистра или одного из «старших братьев». Такие трапезы играли в ходе праздника отнюдь не второстепенную роль. Ремесленники придавали им значение не меньшее, чем церковной службе, а возможно, и большее. В обычае отмечать все праздничные торжества, в том числе церковные, пирами, на наш взгляд, проявилось характерное для народной обрядности периода феодализма приземление сакрального — черта, уводящая к язычеству и свойственная народной культуре средневековья вообще⁷⁴. Относительно украинских городских ремесленников феодальной эпохи исследователь начала XX в. Ф. Клименко заметил, что каждая цеховая сходка имела «религиозно-культурный элемент, который своеобразно соединялся с обычным выпиванием бочки пива»⁷⁵.

Во время коллективного пира, который длился три дня, члены корпорации

соблюдали определенный порядок. О нем можно судить по грамоте польского короля Сигизмунда III от 1608 г., регламентировавшей правила поведения на пирах братств. Она предписывала должностным лицам объединения строго следить, чтобы во время пира все вели себя «учтиво, не молвили между собою неприличных («збытных») слов, не ложились на стол и не разливали братского меду, но держали бы себя прилично, в меру пили и никакими неприятностей не делали»⁷⁶. За все нарушения порядка во время коллективных пиров строго наказывали. Аналогичные правила поведения во время пиров-братчин существовали также в русских средневековых городах⁷⁷.

Как представляется, патрональные праздники корпораций играли важную роль в укреплении корпоративной, в частности цеховой, братской, солидарности их членов. Во время литургии, посвященной святому патрону, символизировавшему данный коллектив, а также в ходе общей трапезы ремесленники отчетливее осознавали и переживали свою принадлежность к единому целому — корпорации.

Патрональные праздники корпораций более высокого порядка отличались от праздников низовых объединений в основном составом присутствующих. В них участвовали уже представители не одной, а нескольких корпораций, при этом в ходе праздничных торжеств и коллективных трапез члены низовых корпораций не смешивались, сохраняя определенную обособленность.

Обрядность производственного характера, совершавшаяся украинскими городскими ремесленниками феодальной эпохи на протяжении календарного года, просуществовала со сравнительно незначительными изменениями до конца XVIII в. Начиная с 70-х годов XVIII в. и особенно в XIX в. в традиционной обрядности украинских городских ремесленников наблюдаются все более сильные трансформации. Они были вызваны проникновением в феодальное ремесло буржуазных отношений, упразднением городского феодального самоуправления, утверждением культуры нового времени. И хотя ремесленники в украинских городах продолжают существовать вплоть до начала XX столетия, их обрядность уже в XIX в. перестает функционировать как целостная система, превращаясь, в большей или меньшей степени, в трансформированные остатки былого целого.

Примечания

¹ Обрядность крестьян в эпоху ранний период изучена намного хуже.

² *Василенко К.* Остатки братств и цехов в Полтавщине // Киевская старина. 1885. № 9; *Грушевський М.* Історія України—Руси. Т. VI. Життя економічне, культурне, національне XIV—XVII віків. Київ; Львів, 1907; *Закревський Н.* Описание Киева. Т. 1. М., 1868; *Зарецкий И. А.* Гончарный промысел в Полтавской губернии. Полтава, 1894; *Иконников В. С.* Киев в 1654—1855 гг. Киев, 1904; *Кудринский Ф.* Цеховые братства в местечке Степани // Киевская старина. 1890. № 7; *Лазаревська К.* Київські цехи в другій половині XVIII та на початку XIX віку // Київ та його околиця в історії і пам'ятках. Київ, 1926; *Сумцов Н. Ф.* Культурные переживания. Киев, 1890; *Успенский Н.* Церковное цеховое братство местечка Чернобыля (Киевской губернии) // Киевские епархиальные ведомости. 1862. № 24; *Флеров И.* О православных церковных братствах противоборствовавших унии в Юго-Западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. СПб., 1857; *Щербаківський Д.* Реліквії старого київського самоврядування. Київ, 1925.

³ *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979; *Курочкин О. В.* З історії масових свят феодального і капіталістичного Київів // Свята та обряди трудящих Київів. Київ, 1982.

⁴ В городах феодальной Украины большая часть ремесленников объединялась в цехи. Нецеховые ремесленники также, как правило, входили в состав тех или иных корпораций — церковных приходов, братств, кварталов и т. п. О ремесленной обрядности, связанной с собственно цеховой организацией, см: *Балушок В. Г.* Обряды и обычаи жизненного цикла украинских цеховых ремесленников (XVI — середина XVII в.) // Сов. этнография. 1987. № 2.

⁵ О самоуправлении украинских феодальных городов см.: История Украинской ССР. В 10-ти т. Т. 2. Киев, 1982. С. 101—102.

⁶ *Зіновій Кліментій.* Вірші. Приповісті посполиті. Київ, 1971. С. 151.

⁷ С кроїніки Бельського речі потрібні вибрані (Острозький літописець) // *Бевзо О. А.* Львівський літопис і Острозький літописець. Джерелознавче дослідження. Київ, 1971. С. 138.

- ⁸ Іспитаніє літом от рождества Христова ...року і по нім ідущих (Львівський літопис) // Там же. С. 115.
- ⁹ Шербаківський Д. Указ раб. С. 36—41.
- ¹⁰ О пеховых праздничных сходках см.: *Балушок В. Г.* Указ. раб. С. 43—44.
- ¹¹ Как известно, в XIV — первой половине XVII в. большинство украинских земель входило в состав Великого княжества Литовского и Королевства Польского, объединившихся в 1569 г. в Речь Посполитую. Правобережная Украина оставалась в составе Речи Посполитой до конца XVIII в.
- ¹² Рукописные фонды Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР (далее — РФ ИИФЭ). Ф. 34-1. Ед. хр. 3. Л. 10, 40; *Успенский Н.* Указ. раб. С. 766; Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Изд. 2-е. Т. 1. Киев, 1898. С. 30.
- ¹³ *Закревский Н.* Указ. раб. С. 70; *Вишневский Иван.* Сочинения. М.; Л., 1955. С. 43.
- ¹⁴ Кустарные промыслы Подольской губернии. Киев, 1916. С. 18.
- ¹⁵ *Вишневский Иван.* Указ. раб. С. 43.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Зіновій Климентій.* Указ. раб. С. 102.
- ¹⁸ *Галатовський Іоанікій.* Ключ розуміння. Київ, 1985. С. 383.
- ¹⁹ *Байбурин А. К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология (сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVII). Л., 1981. С. 218.
- ²⁰ *Гошко Ю. Г., Федака П. М.* Звичаї та вірування, пов'язані з спорудженням житлових та господарських будівель // Народна архітектура українських Карпат XV—XX ст. Київ, 1987. С. 239; *Olejnik J.* Przesady, wyobrazenia i czynności magiczne mieszkańców Wysokich Tatr, związane z budową domu i domostwen // Etnografia polska. 1982. T. XXVI. Z. 1. S. 201.
- ²¹ *Шульгина Л.* Гончарство в с. Бубнівці на Поділлі // Матеріали до етнології. Київ, 1929. С. 168.
- ²² Історія Львова в документах і матеріалах: Збірник документів і матеріалів. Київ, 1986. С. 36.
- ²³ *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах і представленнях восточных славян. Л., 1983. С. 120—121.
- ²⁴ Отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР (далее — ОР ЦНБ АН УССР). Ф. 1. Ед. хр. 7574. Л. 31.
- ²⁵ Лікарські та господарські порадики XVIII ст. Київ, 1984. С. 116.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ ОР ЦНБ АН УССР. Ф. 1. Ед. хр. 7574. Л. 35, 37.
- ²⁸ Там же. Л. 35—37.
- ²⁹ Там же. Л. 30.
- ³⁰ Там же. Ф. 1. Ед. хр. 54518. Л. 185—185. об.
- ³¹ Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej z archiwum tak zwanego bernardzkiego we Lwowie w skutek fundacyi sp. Alexandra hr. Stadnickiego. T. VI. Lwów, 1876. S. 139.
- ³² *Шульгина Л.* Указ. раб. С. 168; РФ ИИФЭ. 34-1. Ед. хр. 3. Л. 59.
- ³³ *Гринченко Б. Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Вып. II. Чернигов, 1897. С. 18.
- ³⁴ Два документа о хозяйстве киевских монастырей в половине XVIII ст. // Киевская старина. 1883. № 8. С. 726, 734.
- ³⁵ *Шульгина Л.* Указ. раб. С. 167.
- ³⁶ *Гошко Ю. Г., Федака П. М.* Указ. раб. С. 239.
- ³⁷ Прислів'я та приказки. Природа. Господарська діяльність людини. Київ, 1989. С. 138.
- ³⁸ *Кістяківська Н.* Твори Івана Некрашевича українського письменника XVIII віку (Розвідка і тексти). Київ, 1929. С. 12.
- ³⁹ *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М., 1978. С. 103.
- ⁴⁰ *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 49.
- ⁴¹ *Зіновій Климентій.* Указ. раб. С. 131, 248.
- ⁴² *Шульгина Л.* Указ. раб. С. 122.
- ⁴³ *Гіппіус В.* Коваль Кузьма-Дем'ян у фольклорі // Етнографічний вісник. Київ, 1929. Кн. 8. С. 19.
- ⁴⁴ *Зіновій Климентій.* Указ. раб. С. 68.
- ⁴⁵ *Афанасьев А. Н.* Древо жизни. Избранные статьи. М., 1982. С. 71, 72.
- ⁴⁶ Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Очерки по этнографии края. Т. 1. Харьков, 1898. С. 180, 890; Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина». Редактировал с добавлением собственных материалов Б. Д. Гринченко. Т. 4. Киев, 1909. С. 388 (статья «Хата»).
- ⁴⁷ *Кара-Васильева Т. В.* Полтавська народна вишивка. Київ, 1983. С. 83.
- ⁴⁸ РФ ИИФЭ. Ф. 1—5. Ед. хр. 403. Л. 56, 98.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 34—1. Ед. хр. 3. Л. 59.
- ⁵⁰ *Шульгина Л.* Указ. раб. С. 168—169.
- ⁵¹ Об инвертированности потустороннего мира см., например: *Tokarska J., Wasilewski J. S., Zmysłowska M.* Śmierć jako organizator kultury // Etnografia polska. 1982. T. XXVI. Z. 1. S. 81.
- ⁵² ОР ЦНБ АН УССР. Ф. 1. Ед. хр. 7574. Л. 35, 37.
- ⁵³ *Гуревич А. Я.* Указ. раб. С. 60, 231.
- ⁵⁴ *Гошко Ю. Г., Федака П. М.* Указ. раб. С. 241; Жизнь и творчество крестьян Харьковской гу-

бернии. С. 178; *Шульгина Л.* Указ. раб. С. 46; См. также *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 186.

⁵⁵ *Гошко Ю. Г., Федака П. М.* Указ. раб. С. 241.

⁵⁶ Кустарные промыслы Подольской губернии. С. 139.

⁵⁷ РФ ИИФЭ. Ф. 34-1. Ед. хр. 3. Л. 12.

⁵⁸ *Шульгина Л.* Указ. раб. С. 112, 120; *Зарецкий И. А.* Указ. раб. С. 118.

⁵⁹ *Василенко К.* Указ. раб. С. 165.

⁶⁰ См.: *Топорков А. Л.* Гончарство: мифология и ремесло // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 43.

⁶¹ *Сумцов Н. Ф.* Указ. раб. с. 73, 75.

⁶² Кустарные промыслы Подольской губернии. С. 544. См. также *Lettenbauer W.* Der Baumkult bei der Slaven: Vergleichende volkskundliche, kultur- und religionsgeschichtliche Untersuchung. Neurid., 1981. S. 184 и сл.

⁶³ *Зарецкий И. А.* Указ. раб. С. 118; Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. С. 274, 751.

⁶⁴ *Петров В.* Кузьма-Дем'ян в українському фольклорі // Етнографічний вісник. Київ, 1930. Кн. 9. С. 197—198, 226.

⁶⁵ Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. Изд. 2-е. Киев, 1898. Т. III. С. 27.

⁶⁶ *Кістяківська Н.* Указ. раб. С. 12.

⁶⁷ Имеется в виду не ремесленная профессия в целом, а отдельный союз ремесленников данной профессии, существовавший в том или ином городе.

⁶⁸ *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 748—756.

⁶⁹ См.: ОР ЦНБ АН УССР. Ф. II. Ед. хр. 22907. Л. 40; Цеховые акты левобережной Малороссии (1622—1645) / Подгот. к изд. А. Лазаревского // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 15. Вып. 4. Киев, 1902. С. 95; *Флеров И.* Указ. раб. С. 189.

⁷⁰ ОР ЦНБ АН УССР. Ф. I. Ед. хр. 2199. Л. 20; Ф. II. Ед. хр. 22643; Центральный государственный исторический архив УССР. Ф. 222. Оп. 1. Д. 295.

⁷¹ *Зіновій Климентій.* Указ. раб. С. 149.

⁷² *Кудринский Ф.* Указ. раб. С. 93.

⁷³ РФ ИИФЭ. Ф. 34-1. Ед. хр. 3. Л. 33—35, 40—41.

⁷⁴ См. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 25.

⁷⁵ *Клименко П.* Цехи на Україні. Т. 1. Вип. 1. Суспільно-правні елементи цехової організації. Київ, 1929. С. 93.

⁷⁶ Цит. по: *Флеров И.* Указ. раб. С. 191.

⁷⁷ *Рабинович М. Г.* Указ. раб. С. 138.

© 1990 г.

В. Н. Б а с и л о в

ДВА ВАРИАНТА СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ШАМАНСТВА

В изучении этногенеза и этнической истории первостепенная роль принадлежит этнографическому материалу. Именно он содержит в себе очевидную этническую характеристику. Этот материал отнюдь не ограничивается генеалогическими преданиями и данными о родоплеменной структуре. Источником здесь выступают сведения о традиционной культуре во всем ее объеме. Особенности жилища, одежды, утвари, пищи, обрядов, поверий, эпоса, музыки, игр — все выступает как историческое свидетельство былых родственных или соседских связей разных народов. Пользоваться этим материалом не всегда легко, этнографические сведения обычно нуждаются в интерпретации. Необходимо выяснить, как широко распространены те или иные явления традиционной культуры, в какую эпоху они могли сложиться. При этом в каждом конкретном случае нужен самостоятельный анализ. Иногда общие элементы культуры прослеживаются у народов, не имевших общения между собой в течение нескольких последних тысячелетий. Это значит, что культурная общность восходит к весьма отдаленным временам, предшествующим начальному этапу этногенеза, и данные при-